



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 533–540  
*Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 533–540  
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-533-540>

Научная статья  
УДК 342.552+304.42(470.22)“1955/1965”

## Власть и общественная жизнь в Карелии в годы «оттепели» (середина 1950 – середина 1960-х годов)



Л. И. Вавулинская

Карельский научный центр Российской академии наук, Россия, Республика Карелия, 185910, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11

Вавулинская Людмила Ивановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории, [ludvav@mail.ru](mailto:ludvav@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-6404-7551>

**Аннотация.** Статья посвящена проблеме взаимоотношений власти и общества в период «оттепели», положившей начало либерализации общественной жизни и кардинальным изменениям в общественном сознании. На региональных материалах Республики Карелия показаны общественно-политическая обстановка в республике, реакция населения на действия центральной и местной властей. Подчеркивается, что процессы либерализации были противоречивыми и непоследовательными, сохранялся жесткий идеологический контроль над жизнью общества.

**Ключевые слова:** общественно-политическая жизнь, либерализация режима, общественные организации, самодеятельность населения

**Благодарности:** Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (ИЯЛИ).

**Для цитирования:** Вавулинская Л. И. Власть и общественная жизнь в Карелии в годы «оттепели» (середина 1950 – середина 1960-х годов) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 533–540. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-533-540>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**Power and public life in Karelia during the “thaw” period (mid-1950s – mid-1960s)**

L. I. Vavulinskaya

Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Science, 11 Pushkinskaya St., Petrozavodsk 185910, Karelia, Russia

Ludmila I. Vavulinskaya, [ludvav@mail.ru](mailto:ludvav@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-6404-7551>

**Abstract.** The article investigates the relationships between authorities and the society during the “thaw” period, which launched liberalization in public life and radical changes in public consciousness. Regional material from the Republic of Karelia was used to demonstrate the situation in the region’s political and public sphere, and the response of people to the activities of central and local governments. The study highlights that liberalization processes were contradictory and inconsistent, and the life of the society remained under strict ideological control.

**Keywords:** government and public life, regime liberalization, non-governmental organizations, grassroots initiative

**Acknowledgements:** The study was carried out under state order of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (ILLH).

**For citation:** Vavulinskaya L. I. Power and public life in Karelia during the «thaw» period (mid-1950s – mid-1960s). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 533–540 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-533-540>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Проблема взаимоотношений власти и общества приобретает особое значение в условиях трансформации постсоветского российского социума, что обуславливает необходимость обращения к историческому опыту использования

многообразных форм взаимодействия власти и населения. Особый интерес вызывает период так называемой «оттепели», время перемен, наступившее после смерти Сталина и продолжавшееся до середины 1960-х гг. В этот период было положено



начало кардинальным изменениям в общественном сознании, предприняты заметные шаги по либерализации общественной жизни в стране и привлечению населения к участию в различных формах общественной самодеятельности.

Общественно-политические процессы и изменения, связанные с критикой культа личности Сталина и либеральной политикой Н. С. Хрущева, анализируются в работах Р. Г. Пихои<sup>1</sup>, Т. А. Сивохиной и М. Р. Зезиной<sup>2</sup>, М. Л. Галас<sup>3</sup>, А. П. Волкова<sup>4</sup>, Ю. В. Аксютин и О. В. Волобуева<sup>5</sup> и др. В исследованиях Е. Ю. Зубковой<sup>6</sup>, А. В. Пыжикова<sup>7</sup>, Ю. А. Аксютин<sup>8</sup>, В. Н. Мамяченкова<sup>9</sup> особое внимание уделено проблеме взаимоотношений власти и общества в период «оттепели». В них освещены различные аспекты общественной жизни, реакция населения на те или иные решения власти, механизм функционирования общественного мнения. Вопросам протестного движения, диссидентства и инакомыслия посвящены монографии Л. М. Алексеевой<sup>10</sup>, В. А. Козлова<sup>11</sup>, А. В. Шубина<sup>12</sup>.

В исследовании проблемы взаимоотношений власти и общества особое значение имеет разработка ее региональных аспектов, изучение комплекса вопросов функционирования местной власти, практики ее взаимодействия с населением. В статье на основе введения в научный оборот целого комплекса новых документов, хранящихся в архивах Республики Карелия, рассмотрены проблемы осуществления идеологического контроля над обществом, послаблений в общественно-политической жизни в середине 1950-х гг., реакции «низов» на действия центральной и местной властей.

Исследование подготовлено на основе комплексного использования общенаучных (анализ, синтез) и конкретно-исторических методов исследования (хронологический, сравнительно-исторический, метод микроистории), позволяющих осветить конкретное многообразие форм взаимодействия власти и общества на разных уровнях общественной жизни.

Смерть Сталина 5 марта 1953 г. оказала огромное влияние на общественную жизнь, положив начало процессам обновления в обществе. Советский и российский политолог, журналист Ф. Бурлацкий вспоминал: «Сама эта смерть потрясла до основания душу каждого человека в нашей стране, хотя и вызвала разные чувства. Ушло нечто, казавшееся незыблемым, вечным, бессмертным. Простая житейская мысль: умер человек, и тело покойного надо предать земле, — едва ли кому-либо приходила в голову. Нет, рухнул, обрушился институт власти, то, что лежало в самом фундаменте всего здания. Как теперь жить? Что произойдет с нами? Куда пойдет страна?»<sup>13</sup>. Подобные чувства испытывали многие жители Карелии. А. С. Степанова, фольклорист, кандидат филологических наук в своих воспоминаниях подчеркивает: «Я печалилась вместе со всеми, правда, слез не было, но думала: “Как же мы без

него жить-то будем?” Собирались митинги, везде звучала траурная музыка, было настроение всеобщей скорби. Плакали преподаватели, даже те, чьи родные были репрессированы. Большинство ведь считало, что Сталин был не в курсе того, что творилось в стране. И не у всех была возможность прочесть об этом где-либо...»<sup>14</sup>.

В июле 1953 г. состоялся Пленум ЦК КПСС, подвергший критике недостатки в партийном руководстве, нарушения ленинских норм партийной жизни, сложившиеся в результате культа личности Сталина. Органы МВД были поставлены под контроль партии, ликвидированы все внесудебные органы («тройки», «пятерки» и др.), восстановлен в своих правах и усилен прокурорский надзор, пересмотрены дела оперативного учета, заведенные по непроверенным и малозначительным материалам. Гарантом политической стабильности была объявлена Коммунистическая партия. В постановлении пленума ЦК Компартии Республики и Петрозаводского горкома партии от 13 июля 1953 г., осудившем преступные действия Л. Берии, говорилось, что «партийное руководство всеми организациями является главным условием успешной их работы, что уход из-под партийного контроля ведет неизбежно к провалам в работе и к загниванию работников»<sup>15</sup>.

15 июля 1953 г. на предприятиях, в организациях и учреждениях республики прошли собрания, на которых с чувством глубокого возмущения говорилось о предательской деятельности Берии. Выступавшие выражали благодарность партии и правительству за разоблачение коварного врага, призывали поднять бдительность и принимали повышенные обязательства по досрочному выполнению плановых заданий.

Одной из важных особенностей либерализации режима стала реабилитация жертв политических репрессий. Первый этап реабилитации (с марта 1953 г. по февраль 1956 г.) проходил в основном негласно. Постановлением бюро ЦК КП Карелии от 15 мая 1954 г. была создана республиканская комиссия по пересмотру уголовных дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР и находившихся в ссылке на поселении. В ее состав вошли представители прокуратуры, МВД, КГБ при Совете Министров КФССР и Министерства юстиции республики. К этому времени (июль 1954 г.) только в исправительно-трудовых лагерях МВД КФССР содержалось 4584 заключенных, из них 420 были осуждены за «контрреволюционные» преступления<sup>16</sup>. Реабилитация в первую очередь коснулась тех, кто был расстрелян, умер в лагерях и ссылке. В 1955 — начале 1956 г. были посмертно реабилитированы в судебном порядке руководящие партийные и советские деятели республики: Э. Гюллинг, Г. Ровио, Н. Архипов, В. Гурьев, Ф. Поттоев, Я. Мяки и др.

Меры по восстановлению законности, однако, не всегда проводились последовательно. Хотя



после смерти Сталина массовые репрессии были прекращены, они не исчезли полностью как средство поддержания политической стабильности. В 1954 г. следственными аппаратами Прокуратуры республики были незаконно арестованы, а затем освобождены 90 чел., или 16% к числу арестованных, и по делам органов милиции освобождены из-под стражи как необоснованно арестованные 96 чел., или 10% к общему числу арестованных. На прокуроров Пудожского и Питкярантского районов были наложены взыскания за допущение несанкционированных арестов<sup>17</sup>.

Первые шаги по либерализации общественной жизни в стране вызвали у людей ожидания перемен к лучшему. Преобладали настроения, отражавшие полное доверие к проводимой партией политике. Об этом свидетельствуют надписи патриотического характера на бюллетенях в день выборов в Верховный Совет Республики и местные советы, выборов, состоявшиеся 6 марта 1955 г.:

«Я голосую за могущество нашей Родины, за счастье народа, за коммунизм».

«За мир, за светлое будущее».

«Благодарю от всей души великую Родину».

«Голосую за Советскую власть».

Подобных патриотических надписей было много, но встречались и критические высказывания и наказания отдельным кандидатам: «Очень груб, недостойн», «Нужно больше сахара и масла, а не депутатов»<sup>18</sup>.

Важным событием общественной жизни страны и республики в середине 1950-х гг. стал XX съезд партии (февраль 1956 г.), впервые поставивший вопрос о культе личности и его последствиях. На съезде были вскрыты многочисленные факты нарушения законности, однако критика сталинизма носила не политический, а скорее моральный характер. Осуждение культа личности и преступлений режима на съезде вызвало у многих людей крушение веры в партию, в идеалы социализма. Хотя в выступлениях на партийных собраниях звучала мысль, что «критика культа личности свидетельствует о крепости партии и социалистического строя», многие коммунисты задавались вопросом: «Знал ли Сталин о преступных действиях Берии? Почему Сталин не был разоблачен раньше?» В докладных записках КГБ Карелии в ЦК Компартии Республики о настроениях населения в связи с докладом Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева на XX съезде партии «О культе личности и его последствиях» приводились следующие высказывания:

Преподаватель училища г. Петрозаводска Ц.: «Для меня это не новое. Я раньше Сталина не уважал. Я считаю, что пока партия будет над Советской властью, — дело не будет. Советская власть — это Советы, а не партия. Наступит время, когда партийные органы не будут играть ведущей роли в жизни государства, а будет Советская власть»;

В., студентка педагогического института: «В моей душе, да и не только в моей, произошел

целый переворот. В моей душе обида, недовольство и в то же время радость за папу, и вообще за всех людей, которые пострадали невинно... Обидно, что слишком поздно всплыла горькая правда на поверхность... До меня очень трудно доходит, как мог один человек действовать против тысяч. А десятки человек знали это и молчали, набравши в рот воды»;

Товаровед Х. (ДОРУРС Кировской железной дороги): «...Ясно одно, что на мертвого легче свалить. Мое мнение такое: нечего было рассказывать народу всю правду. Как было хорошее мнение у народа о Сталине, так оно и осталось бы. Поскольку наше руководство знало, надо было тайно прочитать это письмо только для верхушки, а не низовым партийным органам и всему народу. А теперь народ только возмущается и все равно не верит».

Многие коммунисты считали необходимым более подробно разъяснить, «почему после смерти стали винить одного Сталина, когда было давно известно из той обстановки, в каком ненормальном положении находятся колхозы и обеспечение населения, существуют слишком большие налоги и Сталина не считало население за бога. Богом его считали только в печати, кино, радио»<sup>19</sup>. Общественные настроения, критические высказывания фиксировались информаторами партийных органов и органов государственной безопасности во время частных разговоров, бесед в кругу коллег. Подобная информация поступала в партийные органы также от комсомольских, профсоюзных организаций. «Брожение умов» вызвало ответную реакцию. 19 декабря 1956 г. было опубликовано письмо ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов».

Тем не менее осуждение культа личности повлекло за собой ряд практических шагов. В 1956 г. была отменена судебная ответственность рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и из учреждений и за прогул без уважительной причины, восстановлены товарищеские суды, занимавшиеся разбором дел о мелких правонарушениях. Более широкие масштабы приняла работа по реабилитации жертв репрессий. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1956 г. были образованы комиссии для проверки в местах лишения свободы обоснованности осуждения каждого лица, обвиненного в совершении преступлений политического характера<sup>20</sup>. Лица, освобожденные от дальнейшего отбывания наказания, получили все гражданские и политические права. В целом за 1954–1961 гг. в республике были реабилитированы более 10 тыс. жертв сталинского террора<sup>21</sup>. В дальнейшем этот процесс был приостановлен, и пересмотр дел велся только по заявлениям родственников репрессированных.

Серьезное влияние на внутривластную обстановку в республике оказывали международ-



ные события, в частности, вооруженное восстание против правительства коммунистов в Венгрии в октябре – ноябре 1956 г., ликвидированное советскими войсками. Как свидетельствуют зафиксированные органами внутренних дел высказывания жителей республики, многие из них осудили ввод советских войск в Венгрию. Так, во время беседы группы преподавателей педагогического института член КПСС К. сказал: «В Венгрии мы действовали как жандармы Европы». Такого же мнения придерживался артист Финского театра С.: «Выступление в Венгрии является результатом неправильной политики. Было очень нехорошо, когда наши войска приняли участие в подавлении восстания». Во многих письмах высказывались опасения о возможности новой войны: «Международная обстановка у нас так осложнилась, что я вообще чувствую себя, как на пороховой бочке»; «Сейчас такое положение, что нужно воздержаться от выезда от семьи, напряжение очень плохое, если не придется воевать, то до Нового года встретимся»<sup>22</sup>.

Многие жители республики связывали международные события с последующим неизбежным ухудшением продовольственного положения в стране: «Хлеб пойдет за границу, чтобы не было войны, и богаче от этого не станем... Многие, кроме интеллигенции, ничего купить не могут, денег нет, а на Украине ни денег, ни даже ситца. Жизнь тяжело». В связи с Суэцким кризисом – международным конфликтом в октябре 1956 г. – марте 1957 г., связанным с определением статуса Администрации Суэцкого канала, конструктор Онегзавода К. сказал: «Возможно, наши будут оказывать материальную помощь Египту, что может отразиться на наших условиях жизни, в магазинах может уменьшиться продажа продовольственных товаров». В то же время некоторые студенты университета и педагогического института в связи с англо-французской оккупацией Египта заявили, что они готовы идти добровольно служить в армии Египта<sup>23</sup>.

В связи с обострившейся международной обстановкой особое внимание уделялось усилению оборонно-массовой работы. Постановлением Совета Министров республики от 2 сентября 1955 г. в городах и районах Карелии было введено всеобщее обязательное обучение населения с 16-летнего возраста по противоатомной защите<sup>24</sup>. Только с сентября 1955 г. по сентябрь 1956 г. организациями ДОСААФ были обучены противоатомной защите 160 тыс. жителей республики (53% к плану)<sup>25</sup>. Постановление Совета Министров КАССР от 27 ноября 1956 г. предусматривало проведение всеобщего обязательного обучения населения по противовоздушной, противоатомной, противохимической и противобактериологической защите. Разрабатывались планы подготовки инструкторов-общественников и населения, подготовки групп самозащиты в жилых районах, создавались санпосты, сандружины. За 1959 г. и первое полу-

годие 1960 г. в кружках санпостов и сандружин только в столице республики – г. Петрозаводске – обучены ГСО и БГСО более 10 тыс. чел.<sup>26</sup>

Общественная жизнь в республике в годы «оттепели» так же, как и в предшествующий период, находилась под сильным влиянием правящей КПСС. Несравнимо расширились экономические функции партийных организаций, низовым ячейкам было предоставлено право контроля за деятельностью администрации. Такое положение вызывало вопросы у коммунистов. В своем письме в редакцию газеты «Правда» секретарь партбюро Маткоженской ГЭС А. Н. Абраменко спрашивал: «Во все ли вопросы должна вникать партийная организация и в каких пределах, чтобы не подменять руководителя и не заниматься за него администрированием? Просим Вас помочь разобраться, где мы правы и где нет, чтобы быть настоящей партийной организацией»<sup>27</sup>.

Большое внимание уделялось вопросам количественного и качественного состава партийных организаций республики. Из года в год росло число принятых в кандидаты и члены КПСС: в 1955 г. – 1182 чел., в 1957 г. – 2685, в 1959 г. – 3421, в 1961 г. – 4175 чел.<sup>28</sup> При этом преимущество при приеме в партию получали рабочие и колхозники, что создавало иллюзию социального равенства: если в 1955 г. они составляли в партийном поплнении 37,9%, то в 1959 г. – 61,2%<sup>29</sup>.

Во второй половине 1950-х гг. власть предприняла усилия по активизации деятельности советов, профсоюзов, комсомола. Некоторое расширение прав советов, однако, не привело к усилению их самостоятельности. Увеличивался поток бумаг в адрес местных советов и их исполкомов. Если в 1956 г. Совет Министров Карелии принял 362 постановления и 324 распоряжения, то в 1958 г. – 482 постановления и 744 распоряжения<sup>30</sup>. Кабинетный стиль работы порождал формализм, отвлекая внимание органов власти на составление всевозможных справок и отчетов.

Люди высказывали недовольство безальтернативностью выборов в советы и их фактически безвластным положением.

Аналогичная ситуация складывалась в сфере деятельности профсоюзов. Провозглашенные меры по расширению их прав привели к возрастанию объема работы профсоюзных организаций. Более 60 тыс. человек являлись членами фабрично-заводских и местных комитетов профсоюзов, их постоянных комиссий или выполняли различные профсоюзные поручения<sup>31</sup>. В то же время о слабом использовании прав ФЗМК свидетельствовал поток жалоб и заявлений (2770), направленных в 1958–1959 гг. в областной совет профсоюзов. Народными судами из 4 тыс. конфликтных дел, поступивших от профсоюзных комитетов, по 1802 делам вопрос был решен в пользу трудящихся, что также свидетельствовало о бесправном положении многих ФЗМК<sup>32</sup>.



1950-е гг. стали временем роста творческой активности молодежи: освоение целины, молодежные стройки, рейдовые бригады, отряды «комсомольского прожектора» и т.п. Однако в партийном руководстве укреплялся взгляд на профсоюзы, комсомол, общественные организации как инструмент по выполнению заданий партийно-государственного управленческого аппарата. На практике наблюдалось все более частое копирование комсомолом партийных форм и методов работы. Тревога и обеспокоенность этим явлением звучала в выступлениях некоторых партийных и комсомольских работников. Секретарь Петрозаводского горкома партии Я. С. Крючков на пленуме областной партийной организации, рассмотревшем в июле 1960 г. вопрос об усилении партийного руководства комсомолом, подчеркнул: «Многие партийные организации не руководят, а допускают мелочную опеку комсомольских организаций». Мастер Матросского лесопункта П. С. Гаврилов, выступая на пленуме, признал: «Наши комсомольские организации... больше обсуждают на своих собраниях вопросы производственного характера и мало обращают внимания на вопросы учебы, физкультуры, оборонной работы, проведения культурно-массовых мероприятий и в целом отдыха комсомольцев и молодежи»<sup>33</sup>. Неприятие у молодежи вызывала погоня за количеством и стремление охватить всю молодежь членством в комсомоле, формализм и заорганизованность многих мероприятий.

Общественная активность в годы «оттепели» проявлялась в разных областях. К примеру, 26 октября 1960 г. в Петрозаводске состоялась конференция женщин, на которой присутствовало около 800 чел. Участники конференции обратились к женщинам города с призывом активно участвовать в хозяйственной и общественно-политической жизни, вести борьбу с туеядцами, лодырями, включиться в поход за здоровый быт, укрепление семьи<sup>34</sup>. В конце 1950-х гг. прошли съезды учителей, работников культуры, инженеров и техников республики.

Оживление политической жизни в стране нашло выражение и в повышении роли печати, появлении целого ряда новых изданий: журналов «Советы депутатов трудящихся», «Советская молодежь», «Комсомольская жизнь» и др. В середине 1957 г. в республике издавались 32 газеты и журнала, разовый тираж которых составлял более 160 тыс. экземпляров<sup>35</sup>. В 1959 г. начал работу коллектив Петрозаводской телестудии. Таким образом, значительно расширились возможности средств массовой информации в освещении политической жизни страны и республики, в идеологическом воздействии на массовую аудиторию.

Периодическая печать являлась одним из важных каналов взаимодействия власти и общества. Граждане нередко обращались с письмами в редакции газет, выявляя недостатки в различных областях общественной жизни. Обращения насе-

ления к властным структурам затрагивали многие стороны жизни общества: условия быта, снабжения продовольственными и промышленными товарами, зарплаты, привилегий аппарата, бюрократизма, волокиты и других явлений, характеризовавших в глазах людей негативный облик власти.

Письма и жалобы населения служили для власти важным источником информации о настроениях в обществе. Значительная их часть поступала в органы власти, партийные и общественные организации. Регулярно осуществляемые проверки по рассмотрению заявлений населения показывали, что в этой области имелись существенные проблемы. Так, в докладной записке Председателя Президиума Верховного Совета КАССР в Карельский обком КПСС о выполнении постановления ЦК КПСС от 2 августа 1958 г. «О серьезных недостатках в рассмотрении писем, жалоб и заявлений трудящихся» отмечалось, что за 8 месяцев 1959 г. в 124 проверенные организации, в том числе исполкомы местных и районных советов, учреждения суда и прокуратуры, предприятия и организации, поступило 18 690 писем, жалоб и заявлений. Наибольшее их число – по вопросам трудового и жилищного законодательства, пенсионного обеспечения, устройства детей в детские учреждения, медицинского и бытового обслуживания. Несвоевременное и поверхностное рассмотрение жалоб и заявлений на местах вынудило многих граждан обращаться в вышестоящие партийные и правительственные органы. За 8 месяцев 1959 г. в приемную Председателя Президиума Верховного Совета КАССР поступило 980 жалоб и заявлений и в приемную Председателя Совета Министров КАССР 1500 жалоб и заявлений, которые должны были решаться на местах<sup>36</sup>.

Фактический отказ от политических репрессий выдвинул на первое место задачи усиления идеологической работы партии. После выхода в свет постановления ЦК КПСС от 9 января 1960 г. «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» сеть политического просвещения в республике возросла почти в 2 раза. Дополнительно было создано более одной тысячи кружков, школ и семинаров с числом слушателей более 22 тыс. чел., из них более половины беспартийных. Политическую работу в республике вели более 16 тыс. агитаторов<sup>37</sup>. В большинстве коллективов еженедельно проводились политинформации, освещающие внутреннюю и внешнюю политику СССР. Все эти формы пропаганды призваны были обеспечить унификацию общественной жизни.

С повестки дня не снимались вопросы повышения политической бдительности. В 1958 г. на бюро Петрозаводского горкома партии был рассмотрен вопрос о выпуске группой комсомольцев геологического факультета Петрозаводского государственного университета двух номеров рукописного журнала «Циник». Материалы журнала были расценены как «пошлые и злопыха-



тельские, уродливо показывающие жизнь и быт студенчества, способствующие проникновению буржуазного влияния в студенческую среду»<sup>38</sup>.

В постановлении бюро обкома КПСС от 2 августа 1960 г. отмечались случаи засылки антисоветской литературы в республику и активизация деятельности зарубежных радиоцентров. Постановление бюро ОК КПСС от 25 августа 1960 г. «О мерах активного противодействия враждебной радиопропаганде» предусматривало ряд мер по улучшению работы Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров Карелии<sup>39</sup>.

Комитет государственной безопасности республики стал шире применять предупредительные и воспитательные меры в отношении граждан, совершавших «политически неправильные поступки... в силу своего низкого политического развития и недопонимания политики советского государства». Только в 1961 г. по этим мотивам было профилактировано 47 жителей республики. Многие из этих мероприятий проводились при активном участии общественности<sup>40</sup>.

Важной приметой «оттепели» стало широкое общественное обсуждение наиболее острых политических вопросов. В ходе подготовки к XXII съезду КПСС на партийных собраниях в первичных партийных организациях и собраниях рабочих присутствовало свыше 156 тыс. чел. В редакции республиканских газет поступило более одной тысячи писем, в адрес обкома КПСС, Совета Министров, Совета народного хозяйства, министерств и ведомств было высказано более 280 критических замечаний и предложений<sup>41</sup>. При обсуждении проекта Программы и Устава партии коммунистами вносились предложения о строгом пресечении фактов преследования за критику (редакция газеты «Советская Карелия»), введении в учебные планы средних и высших учебных заведений курса этики и морали (Государственный музей), говорилось о необходимости регулярных отчетов секретарей горкомов, райкомов партии и первичных партийных организаций о своей деятельности перед партийными организациями и собраниями (Гидрометобсерватория) и др.<sup>42</sup>

Во многих выступлениях коммунистов звучала тревога по поводу качественного состава партии, вносились требования исключать из партии за пьянство, хулиганство, стяжательство, частнособственническую психологию. Коммунисты Беломорского лесозавода внесли предложение о необходимости рекомендации трудового коллектива для вступления в партию. Немало высказываний касались гарантий от рецидива культа личности, которые виделись в ограничении сроков пребывания на руководящих партийных и государственных постах, строгом соблюдении принципов социальной справедливости.

XXII съезд партии (октябрь 1961 г.), принявший третью Программу КПСС, поставил перед трудящимися, казалось бы, величественные, хотя и нереальные задачи. «Развернутое строительство

коммунизма» объявлялось высшей целью КПСС, что смещало акцент с реальных общественных процессов в сторону абстрактных социально-политических конструкций. По привычной схеме после съезда началось обсуждение и одобрение партийных документов в трудовых коллективах. В разъяснении и пропаганде Программы и Устава партии участвовало более 22 тыс. пропагандистов, лекторов и агитаторов. Свыше 80 тыс. чел. изучали документы съезда в системе партийного просвещения<sup>43</sup>. За 1960–61 гг. количество читателей в библиотеках республики увеличилось более чем на 50 тыс. человек, достигнув 275 тыс.<sup>44</sup>

После XXII съезда КПСС усилилось партийное влияние на советы, профсоюзы, комсомол. Одним из важнейших факторов этого влияния был подбор и расстановка кадров. В 1964 г. в депутатском корпусе республики коммунисты составили 44%, в областном совете и областных комитетах профсоюзов – 57%, а среди председателей первичных профсоюзных организаций – 36%<sup>45</sup>.

Выдвинутые в Программе партии задачи коммунистического строительства, постепенного перехода к общественному самоуправлению, несмотря на теоретическую несостоятельность, вызвали энтузиазм населения, различные трудовые подвиги. Общественный подъем стимулировали и такие важные события конца 1950 – начала 1960-х гг., как запуск первого в мире искусственного спутника Земли, полет в космос 12 апреля 1961 г. первого в мире космического корабля-спутника «Восток» с пилотом-космонавтом Ю. А. Гагариным.

В стране набирала силу новая общественная инициатива – движение за коммунистическое отношение к труду. Это движение не соответствовало реалиям и возможностям того времени. К тому же погоня за ростом числа участников движения привела к обесценению звания ударника коммунистического труда. В 1961 г. в движении участвовало 3,7% от числа работавших в республике, а в 1965 г. – уже 31%<sup>46</sup>. Не удивительно, что вскоре движение свернуло в традиционное русло формализма и сошло на нет.

Одной из наиболее ощутимых перемен в общественной жизни периода «оттепели» стало широкое внедрение общественных начал в деятельность партийных, советских, профсоюзных и других организаций, возникновение и деятельность многочисленных форм общественного самоуправления в области культуры, народного образования, здравоохранения, торговли, социального обеспечения и др. В 1964 г. в республике действовало более 11,5 тыс. различных общественных организаций, в которых участвовало около 119 тыс. чел.<sup>47</sup> На предприятиях, стройках, в совхозах, учреждениях республики работали 766 групп содействия и 1287 цеховых групп и постов содействия партийно-государственному контролю, в составе которых насчитывалось 10 200 чел.<sup>48</sup> Деятельность общественных объ-



единений граждан отражала тенденцию формирования гражданского общества. Многие из них приносили реальную пользу (домовые и родительские комитеты, товарищеские суды, народные дружины), в то же время нередко общественные формирования дублировали работу штатных органов, злоупотребляли активностью людей. Власть законодательными и другими мерами стремилась поставить общественную самостоятельность под контроль и направить ее в строго определенное русло.

Отсутствие реальных прав и материально-финансовой базы у общественных организаций, призванных приблизить власть к народу, нередко порождало формально-бюрократическое отношение к их предложениям и рекомендациям, что вызывало у людей горькое разочарование в их деятельности. В письме председателя Матросского поселкового комитета Н. М. Сергеева секретарю Президиума Верховного Совета КАССР А. Богданову говорилось: «Андрей Дементьевич! Вы были инициатором создания в Карелии сельских и поселковых комитетов на общественных началах, Вы верили в силу общественности, а мы гордились этим доверием и старались делать все, что в наших силах, решая вопросы местного значения... Но в осуществлении ряда нужных вопросов мы находимся в зависимости от местных начальников и руководителей предприятий, которые хотят – сделают, а не захотят, то даже в малозначительных вопросах не окажут помощи»<sup>49</sup>.

Меры по либерализации общественной жизни осуществлялись противоречиво и непоследовательно, сохранялся идеологический контроль над жизнью общества. Массовое недовольство граждан вызывала ощутимая социальная несправедливость, особые привилегии, которые имели работники партийного и государственного аппарата. Растущее недовольство усугублялось дефицитом продуктов питания и промышленных товаров в государственной торговле. Все это вызывало разочарование людей в надеждах на обновление общественной жизни. Характерным в этом плане является анонимное письмо члена партии с 1931 г. в редакцию газеты «Правда». В нем говорилось: «Мы ведь еще к коммунизму не пришли и вряд ли сам Хрущев до него доживет. Сколько можно помогать государству? В годы войны люди сдали заем, сдали, слова не сказали. Теперь же в течение 12 лет вновь по-честному отдавали государству свои трудовые денежки. Скажу о себе: я займа имею в три раза больше, чем на сегодня всего имущества, подсчитывая книги и ту одежду, что я ношу ежедневно...». В связи с этим автор внес ряд предложений: установить определенный максимум зарплаты руководящим должностным лицам, строгий контроль за использованием финансов, прекратить оказание помощи другим государствам и т. д. В конце письма выражалась озабоченность тем, что государственная политика ведет к росту недовольства среди трудящихся:

«Люди на собраниях не выступают, а в душе остаются врагом нашего правительства – растут внутренние враги...»<sup>50</sup>.

Потеря доверия к местной власти побуждала людей обращаться в высшие инстанции. Так, фотокорреспондент газеты «Коммунист Прионежья» А. И. Шурупов в письме на имя Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в 1965 г. отмечал, что «в нашей стране после смерти Сталина ничего не сделано по восстановлению ленинских норм партийной жизни». В письме, проникнутом беспокойством за ведение хозяйства в республике подчеркивалось: «Веди хозяйство разумно, без хрущевских нововведений и при соответствующей технике и кадрах, Карелия могла бы стать производящей в избытке сельскохозяйственную продукцию». Письмо журналиста было расценено руководящими партийными органами республики как клевета на партию<sup>51</sup>.

Недовольство рабочих республики недостатками в организации, нормировании и оплате труда привели в 1964 г. к фактам группового отказа от работы на ряде предприятий<sup>52</sup>.

Неудовлетворенность населения частичными мерами по оздоровлению общественной жизни выражалась косвенно и в увеличении потребления спиртных напитков. Абсолютное потребление водки в республике возросло с 655 тыс. декалитров в 1956 г. до 740 тыс. в 1961 г., т.е. с 10,5 до 11,2 л в расчете на душу населения. С 1963 по 1967 г. в расчете на душу населения продажа алкогольных изделий увеличилась с 86 руб. до 113 руб., или на 31%<sup>53</sup>.

Таким образом, шаги по либерализации общественной жизни в стране, предпринятые в годы «оттепели», вызвали готовность людей к диалогу с властью, рост политической и социальной активности. Общественная деятельность проявлялась в разных областях: широком обсуждении наиболее острых политических вопросов, возникновении и деятельности многочисленных форм общественного самоуправления, новых трудовых починках. Однако сохранялся жесткий идеологический контроль над жизнью общества, стремление власти ввести общественную инициативу в строго определенное русло. Отсутствие реальных прав и материально-финансовой базы у общественных организаций, призванных приблизить власть к народу, вызывало разочарование в их деятельности. К середине 1960-х гг. происходят заметные изменения в общественном сознании людей, выразившиеся в снижении доверия к власти, о чем свидетельствовали многочисленные письма, жалобы и заявления граждан во властные структуры, общественные организации, редакции газет.

#### Примечания

<sup>1</sup> Пихоя Р. Г. Советский Союз : история власти. 1945–1991. М. : Издательство РАГС, 1998. 735 с.



- 2 См.: Сивохина Т. А., Зезина М. Р. Апогей режима личной власти. «Оттепель». Поворот к неосталинизму: Общественно-политическая жизнь в СССР в середине 40-х – 60-е годы. М.: Издательство Московского университета, 1993. 26 с.
- 3 См.: Галас М. Л. Подготовка к либерализации политического (государственного) режима СССР во второй половине 1950-х – 1964 гг. (по документам РГАСПИ) // Вопросы истории. 2020. № 10–2. С. 61–74. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi26>
- 4 См.: Волков А. П. Общественно-политические процессы конца 50-х – начала 60-х гг. XX века: некоторые аспекты // Симбирский научный вестник. 2013. № 1(11). С. 22–29.
- 5 См.: Аксютин Ю. В., Волобуев О. В. XX съезд КПСС: новации и догмы. М.: Политиздат, 1991. 224 с.
- 6 См.: Зубкова Е. Ю. Общество и реформы 1945–1964. М.: Издательский центр «Россия молодая», 1993. 200 с.
- 7 См.: Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель»: 1953–1964. М.: Олма-Пресс, 2002. 511 с.
- 8 См.: Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 488 с.
- 9 См.: Мамяченков В. Н. Идеологический контроль за настроениями граждан СССР в 1953 — начале 1960-х гг. (на материалах Свердловской области) // Научный диалог. 2016. № 5 (53). С. 156–174.
- 10 См.: Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вильнюс; М.: Вестъ, 1992. 352 с.
- 11 См.: Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). Изд. 3-е, испр. и доп. М.: РОССПЭН, 2010. 462 с.
- 12 См.: Шубин А. В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М.: Вече, 2008. 400 с.
- 13 Бурлацкий Ф. После Сталина. Заметки о политической оттепели // Новый мир. 1988. № 10. С. 153.
- 14 Степанова А. С. Помни корни свои. Воспоминания о Шомбозере и история моего рода. Петрозаводск: Периодика, 2017. С. 144.
- 15 Карельский государственный архив новейшей истории (КГАНИ, в настоящее время – в составе НА РК). Ф. 8 (Центральный комитет Компартии Карело-Финской ССР). Оп. 93. Д. 10. Л. 141.
- 16 См.: Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. П-3 (Карельский областной комитет КПСС). Оп. 65. Д. 24. Л. 12.
- 17 Там же. Ф. П-8 (Центральный комитет Компартии Карело-Финской ССР). Оп. 1. Д. 6021. Л. 34–36, 41.
- 18 Советы Карелии, 1917–1992: Документы и материалы / под ред. Л. И. Вавулинской. Петрозаводск: Карелия, 1993. С. 294–295.
- 19 Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики, 1941–1956 гг. / под ред. В. Г. Макурова. Петрозаводск: СДВ-Оптима, 1999. С. 245–252.
- 20 См.: КГАНИ. Ф. 8. Оп. 101. Д. 55-а. Л. 1–2.
- 21 См.: История Карелии с древнейших времен до наших дней / под ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова, Ю. А. Саватеева, М. И. Шумилова. Петрозаводск: Периодика, 2001. С. 673.
- 22 Неизвестная Карелия. С. 267.
- 23 Там же. С. 262–266.
- 24 См.: НА РК. Ф. Р-1394 (Совет Народных Комиссаров Карело-Финской ССР). Оп. 6. Д. 2528. Л. 89–91.
- 25 Там же. Оп. 7. Д. 637. Л. 78.
- 26 См.: История Петрозаводска: власть и горожане / под ред. А. Ю. Жукова, А. И. Бутвило. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. С. 247.
- 27 НА РК. Ф. П-3. Оп. 7. Д. 20. Л. 32–33.
- 28 См.: Карельская организация КПСС в цифрах. 1921–1984 / под ред. Е. М. Морозова и др. Петрозаводск: Карелия, 1985. С. 42.
- 29 См.: НА РК. Ф. П-3. Оп. 11. Д. 32. Л. 17.
- 30 Там же. Оп. 10. Д. 28. Л. 7.
- 31 Там же. Оп. 11. Д. 40. Л. 58.
- 32 Там же. Л. 64.
- 33 Там же. Д. 16. Л. 89, 106.
- 34 Там же. Ф. П-1230 (Петрозаводский горком КПСС). Оп. 76. Д. 26-а. Л. 9.
- 35 См.: История Карелии с древнейших времен... С. 675.
- 36 См.: Советы Карелии... С. 318–319.
- 37 См.: НА РК. Ф. П-3 Оп. 11. Д. 62. Л. 14, 17.
- 38 Там же. Ф. П-1230. Оп. 73. Д. 20. Л. 18–20.
- 39 Там же. Д. 42. Л. 19–20; Д. 45. Л. 39.
- 40 Там же. Оп. 13. Д. 2. Л. 95.
- 41 Там же. Ф. П-3. Оп. 72. Д. 4. Л. 154.
- 42 Там же. Оп. 12. Д. 99. Л. 13–15, 69.
- 43 Там же. Оп. 13. Д. 2. Л. 5.
- 44 Там же. Л. 81.
- 45 Там же. Оп. 15. Д. 5. Л. 26.
- 46 Там же. Ф. Р-480 (Карельский областной совет профессиональных союзов). Оп. 10. Д. 142. Л. 1; Д. 396. Л. 3.
- 47 Там же. Ф. П-3. Оп. 15. Д. 5. Л. 26.
- 48 См.: КГАНИ. Ф. 8. Оп. 15. Д. 132. Л. 23.
- 49 Советы Карелии... С. 343.
- 50 НА РК. Ф. П-3. Оп. 8. Д. 110. Л. 35–36.
- 51 Там же. Оп. 15. Д. 5. Л. 62; Оп. 16. Д. 87. Л. 163.
- 52 Там же. Оп. 15. Д. 82. Л. 24–29.
- 53 Там же. Оп. 13. Д. 2. Л. 56; Оп. 19. Д. 131. Л. 39.

Поступила в редакцию 08.04.2021, после рецензирования 12.05.2021, принята к публикации 30.06.2021  
Received 08.04.2021, revised 12.05.2021, accepted 30.06.2021